

ПЕРСОНАЛИЗМЪ И МАРКСИЗМЪ.

I.

Отношеніе марксизма къ персонализму, какъ и его отношеніе къ гуманизму, сложнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Очень легко показать антиперсоналистическій характеръ марксизма. Онъ враждебенъ принципу личности, какъ и всякое чисто социологическое ученіе о человѣкѣ, которое хочетъ знать лишь человѣка социальнаго, формируемаго обществомъ. Также антиперсоналистична въ своемъ пониманіи человѣка социологическая школа Дюркгейма. Враждебно принципу личности всякое однопланное міросозерцаніе, для котораго природа человѣка исчерпывается принадлежностью его къ социальному плану бытія, т. е. человѣкъ не имѣетъ измѣренія глубины. Часто противопоставляютъ Марксу Прудона, полагая, что его социальная система болѣе благоприятна персонализму, чѣмъ марксизмъ (*). Но ученіе Прудона о человѣкѣ тоже вѣдь вполне социальное, у него личность тоже не имѣетъ внутренняго измѣренія глубины, т. е. внутренней жизни. Правда, Прудонъ былъ очень острымъ критикомъ коммунизма, какъ системы рабства человѣка, и его собственное социальное-экономическое ученіе было болѣе благоприятно для личности. Но онъ въ сущности склонялся къ своеобразному индивидуализму, враждебному капитализму, а не къ персонализму. Философское міросозерцаніе Прудона не давало возможности сдѣлать различіе между индивидуализмомъ и персонализмомъ. Также не представляется мнѣ особенно плодотворнымъ противопоставлять Прудона Марксу въ пониманіи діалектики. У Прудона противорѣчіе не преодолевается, а сохраняется.**)

*) См. интересную книгу Denis de Rougemont: «Politique de la personne». Де Ружемонъ противопоставляетъ Гегелю и Марксу — Кирхегардта и Прудона.

***) См. о діалектикѣ у Прудона въ отличіе отъ Гегеля и Маркса у G. Gurvitch: «L'idée du droit social».

лишается своего динамического характера. Прудонъ стоялъ ближе къ Кантовскому ученію объ антиноміяхъ, чѣмъ къ гегелевской діалектикѣ. Но поскольку Гегель и Марксъ вѣрили въ достиженіе высшей гармоніи, не допускающей противорѣчій, въ третьей стадіи, въ синтезѣ, они, конечно, подлежатъ критикѣ.

Обосновать персонализмъ, который имѣетъ и свою социальную проэктію, возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что проблема человѣка первичнѣе проблемы общества. И прежде чѣмъ перейти къ обсужденію отношенія марксизма къ принципу личности нужно опредѣлить, что мы философски понимаемъ подъ личностью. Не слѣдуетъ смѣшивать понятія личности съ понятіемъ индивидуума, какъ это часто дѣлала мысль XIX и XX в. в. Индивидуумъ есть натуралистическая категорія, біологическая и социологическая, онъ принадлежитъ природному міру. Индивидуумъ съ біологической точки зрѣнія есть часть рода и съ социологической часть общества. Это — атомъ, недѣлимое, не имѣющее внутренней жизни, анонимъ. Индивидуумъ не имѣетъ самостоятельнаго, независимаго отъ рода и общества существованія. Индивидуумъ самъ по себѣ вполнѣ родовое и социальное существо, лишь элементъ, часть опредѣлимая соотношеніемъ съ цѣлымъ. Совсѣмъ другое означаетъ личность. Личность есть категорія духовная и религіозная. Личность говоритъ о принадлежности человѣка не только къ порядку природному и социальному, но и къ иному измѣренію бытія, къ міру духовному. Личность есть образъ бытія высшаго, чѣмъ все природное и социальное. Мы увидимъ, что она не можетъ быть частью чего либо. Общество имѣетъ тенденцію разсматривать личность, какъ подчинаннаго ему индивидуума, какъ свое созданіе. Съ социологической точки зрѣнія личность есть часть общества и очень малая часть. Общество есть большой кругъ, личность же—вставленный въ него малый кругъ. На почвѣ социологической личность не можетъ противопоставлять себя обществу и не можетъ за себя бороться. Но съ точки зрѣнія экзистенціальной философіи все наоборотъ — общество есть малая часть личности, лишь ея социальный составъ, міръ есть лишь часть личности. Личность есть экзистенціальный центръ, а не общество и не природа, субъектъ-экзистенціаленъ, а не объектъ. Личность реализуетъ себя въ социальной и космической жизни, но она можетъ это дѣлать только потому, что въ ней есть независимое отъ природы и общества начало. Личность не опредѣляется какъ часть въ отношеніи къ какому-либо цѣлому. Личность есть цѣлое, она тотальна, интегральна, несетъ въ себѣ универсальное и не можетъ быть частью какого-либо общаго, міра или общества, универсальнаго бытія или Бо-

жества. Личность вообще не есть природа и не принадлежит, подобно всему природному, къ объективной натуральной іерархіи, не можетъ быть вставлена въ какой-либо натуральный рядъ. Личность вкоренена въ духовномъ мірѣ, ея существованіе предполагаетъ дуализмъ духа и природы, свободы и детерминизма, индивидуальнаго и общаго, царства Божьяго и царства Кесаря. Существованіе человѣческой личности въ мірѣ говоритъ о томъ, что міръ не самодостаточенъ, что неизбѣжно трансцендированіе міра, завершеніе его не въ немъ самомъ, а въ Богѣ, въ сверхмірномъ бытіи. Свобода человѣческой личности, свобода не только въ обществѣ и въ государствѣ, но и отъ общества и отъ государства, определяется тѣмъ что кромѣ міра, кромѣ природы и общества, кромѣ царства Кесаря, есть сверхмірное бытіе, есть міръ духовный, есть Богъ. Личность есть прорывъ въ природномъ мірѣ, она необъяснима изъ него (*).

Личность есть прежде всего единство во множествѣ и неизмѣнность въ измѣненіи. Личность не есть координація частей, она есть первичное единство. Личность должна измѣняться, обнаруживать творчество новаго, возрастать и обогащаться. И она должна оставаться собой, быть неизмѣннымъ субъектомъ этихъ измѣненій. Когда мы встрѣчаемъ нашего хорошаго знакомаго послѣ того, какъ рядъ лѣтъ его не видѣли, то мы можемъ испытать два одинаково безпокойныхъ и тяжелыхъ впечатлѣнія. Если этотъ человѣкъ совсѣмъ не измѣнился, повторяетъ одно и то же, застылъ и закаменѣлъ, не возросъ и ничѣмъ не обогатился, то это производитъ тяжелое впечатлѣніе. Это значить, что личность не реализуетъ себя. Реализація личности предполагаетъ измѣненія. Но возможно обратное тяжелое впечатлѣніе. Человѣкъ этотъ настолько измѣнился, что его нельзя узнать, что онъ производитъ впечатлѣніе другого человѣка. Онъ не только измѣнился, но измѣнилъ себѣ. Единство личности разрушилось въ измѣненіяхъ, утерялся экзистенціальный центръ. Личность есть прежде всего единство судьбы. Судьба есть измѣненіе, исторія и удержаніе единства экзистенціального центра. Это есть тайна личности. Личность предполагаетъ сверхличное, высшее бытіе, которое она отображаетъ, и сверхличныя цѣнности, которыя она реализуетъ и которыя составляютъ богатство ея жизненнаго содержанія. Личность не можетъ быть самодостаточна, она должна выходить изъ себя къ другимъ личностямъ, къ человѣческому и къ космическому многообразію и къ

*) Это основная мысль замѣчательной книги Несмѣлова «Наука о человѣкѣ».

Богу. Эгоцентризмъ, замкнутость въ себѣ и поглощенность собой разрушаетъ личность. Личность реализуетъ себя черезъ постоянную побѣду надъ эгоцентризмомъ, надъ затвердѣлой самостью. Реализація личности означаетъ наполненіе ея универсальнымъ содержаніемъ, она не можетъ существовать только своей партикулярностью. Личность не закончена, она творитъ себя, она задана, какъ Божья идея о всякомъ единичномъ чловѣкѣ. Реализація личности предполагаетъ уходящій въ безконечность творческій процессъ. Личность есть актъ. М. Шелеръ опредѣляетъ личность, какъ конкретное единство всѣхъ актовъ. (*) Но вопреки М. Шелеру активной является не жизнь, а духъ, духовное начало въ чловѣкѣ, жизнь же скорѣе пассивна. Только творческій актъ можетъ быть названъ актомъ, въ актѣ всегда творится новое, небывшее, небытіе становится бытіемъ. Личность предполагаетъ творческую природу чловѣка. Творчество же предполагаетъ свободу. Подлинное творчество есть творчество изъ свободы. Творчество противоположно эволюціи, которая есть детерминація. Только творческій субъектъ есть личность. Существо цѣликомъ детерминированное природнымъ и социальнымъ процессомъ не можетъ быть названо личностью, еще не стало личностью. Ле Сеннъ вѣрно противопоставляетъ существованіе въ смыслѣ экзистенціальной философіи детерминаціи. **) Личность опредѣляетъ себя во внѣ къ природѣ и обществу, но опредѣляетъ себя изнутри. Личность есть сопротивление детерминаціи извнѣ, детерминаціи обществомъ и природой. И личностью является лишь тотъ, кто побѣждаетъ эту детерминацію. Личность не рождается въ природномъ родовомъ процессѣ и не формируется въ процессѣ социальномъ. Существованіе личности предполагаетъ прерывность, не допускаетъ эволюціонной непрерывности. Личность творится Богомъ и въ этомъ ея высшее достоинство и источникъ ея независимости и свободы. Рождается въ родовомъ процессѣ и формируется въ процессѣ социальномъ лишь индивидумъ, въ которомъ должна реализоваться личность. Личность есть сопротивление детерминаціи и потому боль. Утвержденіе и реализація личности всегда есть боль. Отказъ отъ этой боли, боязнь боли есть отказъ отъ личности. Реализація личности, ея достоинства и независимости есть болѣзненный процессъ, есть героиче-

*) См. Max Scheler: «Der Formalismus in der Ethik und die materielle Wertethik».

**) См. замѣчательную книгу Le Senne: «Obstacle et valeur».

ская борьба. Личность есть борьба, отказъ отъ борьбы есть отказъ отъ личности. И человѣкъ часто идетъ на этотъ отказъ. Личность противоположна конформизму, есть несогласіе на конформизмъ, котораго требуютъ природа и общество. Такъ какъ личность есть экзистенціальный центръ и предполагаетъ чувствилище къ страданію и радости, то ошибочно примѣнять категорію личности къ націи и другимъ свехличнымъ общностямъ, какъ дѣлаетъ философъ персонализма Штернъ. Нація есть индивидуальность, но не личность. Мы приходимъ къ тому, что личность есть парадоксальное совмѣщеніе противоположностей: личнаго и свехличнаго, конечнаго и безконечнаго, пребывающаго и мѣняющагося, свободы и судьбы. И основной парадоксъ личности въ томъ, что она должна еще быть создана и она должна уже быть, чтобы возможно было творческое созиданіе личности. Тотъ, кто долженъ себя создать, долженъ уже быть. Личность не детерминирована обществомъ, но она социальна, она можетъ реализовать полноту своей жизни лишь въ общеніи съ другими личностями. Соціальная проэкція персонализма предполагаетъ радикальную, революціонную переоцѣнку социальныхъ цѣнностей, т. е. перенесеніе центра тяжести изъ цѣнностей общества, государства, націи, коллектива, социальной группы въ цѣнность личности, всякой личности. Соціальная проэкція персонализма есть революціонное отверженіе капиталистическаго режима, самого антиперсоналистическаго, самого смертоноснаго для личности, какой только существовалъ въ исторіи. Соціализація хозяйства, которая утвердитъ право на трудъ и гарантію достойнаго существованія для каждой человѣческой жизни и не допуститъ эксплуатаціи человѣка человекомъ, есть требованіе персонализма. Поэтому, единственная система, соответствующая вѣчной истинѣ персонализма, есть система персоналистическаго социализма. Въ основѣ социального міросозерцанія персонализма лежитъ не идея равенства и не идея справедливости, а идея достоинства всякой человѣческой личности, которая должна получить возможность себя реализовать.

Послѣ этихъ необходимыхъ опредѣленій личности посмотримъ въ какомъ къ ней отношеніи стоитъ марксизмъ.

II

Отношеніе марксизма къ личности противорѣчиво. Это связано съ неясностью антропологии марксизма. Антиперсонализмъ Маркса — наслѣдіе антиперсонализма Гегеля. Гегель признавалъ господство общаго надъ индивидуальнымъ. Личность не имѣетъ у Гегеля самостоятельнаго значенія, она

лишь функция мірового духа. Противъ подчиненія челоѡческой личности міровому духу, т. е. общему, возсталъ Киркегардъ. Таковъ же былъ смыслъ возстанія Достоевскаго (*). Этими мотивами насыщено гениальное творчество Ибсена. Антиперсонализмъ Гегеля былъ унаслѣдованъ и Л. Фейербахомъ. Гуманизмъ Фейербаха былъ родовой, а не персоналистическій (**). Челоѡкъ реализуетъ себя въ коллективной жизни рода и въ концѣ концовъ растворяется въ ней. Фейербахъ прорывался къ экзистенціальной философіи, онъ пытался открыть «ты», а не только объектъ (***) . Но перевернутое въ материализмъ гегельянство помѣшало Фейербаху открыть личность, какъ подлинное и первичное существованіе. Марксъ идетъ вслѣдъ за Гегелемъ и Фейербахомъ и признаетъ примать родового бытія челоѡка надъ его личнымъ бытіемъ. У Маркса можно открыть реализмъ понятій среднеѡковской схоластики. Общее, родовое предшествуетъ частному, индивидуальному и опредѣляетъ его. Общество, классъ есть болѣе первичная реальность, чѣмъ челоѡкъ, чѣмъ личность. Классъ есть реальность находящаяся въ бытіи, а не въ мышленіи. Не классъ, а челоѡческая личность есть абстракція мысли. Классъ есть что то вродѣ *universalia ante rem*. Мыслить, производить сужденія и оцѣниваетъ не челоѡкъ, а классъ. Челоѡкъ какъ личность, а не какъ родовое существо, не способенъ къ самостоятельному мышленію и сужденію. Челоѡкъ есть соціально-родовое существо, функция общества. Этимъ предрѣшается уже тоталитарность коммунистическаго общества и государства. Противопологается же этому тоталитарность въ самомъ челоѡкѣ, а не въ обществѣ и государствѣ. Лишь челоѡческая личность можетъ отображать въ себѣ цѣлостное, универсальное бытіе, общество и государство всегда частично и не можетъ вмѣщать универсальнаго.

Такъ какъ марксизмъ интересуется исключительно общимъ и не интересуется индивидуальнымъ, то самой слабой стороной марксизма является психологія. Если не считать самого Маркса, у котораго можно найти интересныя психологическія замѣчанія, то психологическіе экскурсы марксистовъ обыкновенно исчерпываются ругательствами. Даже психологія классовъ совсѣмъ не разработана. Типъ буржуа совсѣмъ не изслѣдуется, а представляется злодѣемъ, кровопійцемъ, готовящимъ империалистическую войну. Особенно по-

*) Бѣлинскій возсталъ противъ мірового духа Гегеля во имя живой челоѡческой личности и предвосхитилъ діалектику Ивана Карамазова. См. книгу «Соціализмъ Бѣлинскаго», въ которой собраны замѣчательныя письма къ Боткину.

**) См. L. Feuerbach «Das Wesen des Christentums».

***) См. его же «Philosophie der Zukunft».

ражаетъ слабость психологіи у марксистовъ, если сравнить съ работами Зомбарта, де Мана, М. Вебера, Зиммеля и др. Невозможно заниматься психологіей при исключительномъ интересѣ къ общему и родовому и притомъ интересѣ, опредѣляемомъ борьбой. Въмѣсто психологіи даются моральныя сужденія и осужденія. И это есть дефектъ всего марксистскаго ученія о человѣкѣ. Хотя въ самомъ Марксѣ былъ профетическій элементъ и онъ находился въ конфликтѣ съ окружающимъ его обществомъ, но то ученіе о человѣкѣ, которое отъ него пошло, отрицаетъ профетическое начало, которое всегда означаетъ возвышеніе человѣческой личности надъ социальнымъ коллективомъ и конфликтъ съ нимъ во имя осуществленія правды, къ которой призываетъ внутренній голосъ, голосъ Божій. Совершенная реализація марксизма въ человѣческомъ обществѣ должна привести къ уничтоженію профетическаго начала, которое проявляется не только въ религіозной сферѣ, но также въ сферѣ философіи, искусства и социальной жизни. Уничтоженіе профетизма произойдетъ вслѣдствіе окончательнаго конформизма личности въ отношеніи къ обществу, совершеннаго приспособленія, исключающаго возможность конфликта. Это есть самая отрицательная сторона марксизма, результатъ его антиперсоналистическаго духа. Самъ Марксъ былъ личностью, противостоящею міру, марксисты уже не могутъ быть такими. Примѣръ смерти профетическаго духа показала уже социализація христіанства въ исторіи. Но антиперсонализмъ есть только одна сторона марксизма, есть другія стороны.

Источники марксовской критики капитализма — персоналистическія и гуманистическія. Марксъ возсталъ противъ капиталистическаго режима прежде всего потому, что въ немъ раздавлена человѣческая личность, превращена въ вещь. Въ капиталистическомъ обществѣ происходитъ то, что Марксъ называлъ *Verdinglichung*, овеществленіе человѣка. Онъ видитъ справедливо дегуманизацію, обезчеловѣченіе въ этомъ обществѣ. Дегуманизируются и пролетарій и капиталистъ. Рабочій, лишенный орудій производства, принужденъ продавать свой трудъ, какъ товаръ. Этимъ онъ прквращается въ вещь необходимую для производства. Происходитъ отчужденіе отъ человѣка его трудовой активности, она выбрасывается въ міръ какъ бы объективныхъ вещей, проектируется во внѣ. Результаты трудовой активности человѣка, отчужденности отъ тоталитарнаго существованія человѣка, дѣлаются внѣшней силой, давящей и порабощающей человѣка. Въ сущности разрывъ между умственнымъ и физическимъ трудомъ есть уже дробленіе цѣлостной человѣческой природы и долженъ быть преодоленъ. Но эта проблема была болѣе

поставлена у насъ Л. Толстымъ и Н. Федоровымъ, чѣмъ Марксомъ. Во всякомъ случаѣ мысли Маркса, особенно молодого Маркса объ отчужденіи и овеществленіи должны быть признаны гениальными. Тутъ лежатъ первоначальные мотивы его обличеній капитализма и его ненависти къ капиталистическому строю (*). Это мотивы чисто человѣческіе. Марксъ объявляетъ революціонное возстаніе противъ соціального строя, въ которомъ происходитъ раздробленіе цѣлостной человѣческой личности, часть ея отдѣляется, отчуждается и переносится въ міръ вещный. Пролетарій и есть человѣкъ, у котораго часть его существа отчуждена и переведена въ міръ вещей, въ давящую его экономику. Ученіе Маркса о *Verdinglichung*, о дегуманизации особенно развивалъ самый умный и интересный, наиболѣе самостоятельный изъ коммунистическихъ писателей Лукачъ (**). Марксъ подчеркиваетъ, что если социалисты приписываютъ пролетаріату огромную всемірно-историческую роль, то не потому что почитаютъ его за божество, а именно потому, что пролетаріатъ представляетъ абстракцію отъ всего человѣческаго, потому что отъ него отчуждена его человѣческая природа и онъ принужденъ самъ себя вернуть полноту человѣчности (***)). Именно тотъ, кто лишенъ полноты человѣчности, долженъ осуществить эту полноту. Это мысль діалектическая. Для Маркса, для первоисточниковъ марксизма очень важна мысль, что происходитъ отнятіе, отчужденіе отъ человѣка человѣческой природы и въ наиболѣе острой формѣ это происходитъ у пролетаріата. Отсюда получаютъ иллюзіи сознанія. Человѣкъ принимаетъ собственную активность за объективный міръ вещей, подчиненный неумолимымъ законамъ.

У ранняго Маркса очень сильно чувствуется вліяніе Фейербаха. То, что Фейербахъ говоритъ о религіи, Марксъ распространилъ на всѣ другія области. Въ религіи Фейербахъ видѣлъ отчужденіе собственной природы человѣка. Человѣкъ создалъ Бога по своему образу и подобию. Принадлежащее его собственной природѣ представляется человѣку внѣ его и надъ нимъ находящейся реальностью. Бѣдный человѣкъ имѣетъ богатаго Бога, т. е. всѣ богатства человѣка отчуждены отъ него и переданы Богу. Вѣра въ Бога какъ бы проле-

*) См. К. Маркс «Der Historische Materialismus». «Die Fruehschriften». Kroener Verlag (Въ двухъ томахъ собраны юношескія произведенія Маркса). См. также Auguste Cornu. «K. Marx: L'Homme et l'œuvre. De l'Hegeianisme au materialisme historique».

**) Georg Lukacs. «Geschichte und Klassen — Bewusstsein. Studien ueber marxistische Dialektik».

***) См. т. I. «Der historische Materialismus», стр. 377.

таризуетъ человѣка. Когда человѣкъ станетъ богатымъ, то Богъ станетъ бѣднымъ и исчезнетъ совсѣмъ. Человѣку вернутся его богатства, онъ станетъ тоталитарнымъ существомъ, никакая часть его природы не будетъ болѣе отчуждена. Эти идеи Фейербаха Марксъ положилъ въ основаніе своей гениальной критики капитализма и политической экономіи. И къ капитализму это безспорно болѣе примѣнимо, чѣмъ къ вѣрѣ въ Бога. Ученіе о фетишизмѣ товаровъ въ I томѣ «Капитала» быть можетъ самое замѣчательное открытіе Маркса. Фетишизмъ товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ и есть иллюзія сознанія, въ силу которой продукты трудовой человѣческой активности представляются вещнымъ, объективнымъ міромъ, скованнымъ непреложными законами и давящимъ человѣка. Марксъ расплавилъ этотъ вещный міръ экономики, въ которомъ буржуазная политическая экономія открывала свои законы. Экономика не есть вещный міръ, не есть какая то объективная реальность, она есть лишь активность человѣка, трудъ человѣка, отношеніе человѣка къ человѣку. И потому экономика можетъ быть измѣнена, человѣкъ можетъ овладѣть экономикой. Богатства, созданныя человѣкомъ, отчужденныя отъ него въ вещномъ мірѣ объективной экономики, могутъ быть ему возвращены. Человѣкъ можетъ стать богатымъ, тоталитарнымъ существомъ, къ нему вернется все, что было отнято отъ него. И это совершится активностью пролетаріевъ, т. е. тѣхъ людей, отъ которыхъ наиболѣе были отчуждены богатства. Все есть лишь продуктъ человѣческой активности, человѣческой борьбы. Экономическаго фатума не существуетъ, онъ побѣдимъ. Отъ иллюзіи сознанія, породившихъ ложную объективизацію человѣческой активности, можно освободиться. Это и есть дѣло пролетаріата. Капиталь Марксъ опредѣлялъ не какъ реальную вещь, а какъ социальное отношеніе людей въ процессѣ производства. Это опредѣленіе очень шокировало буржуазныхъ экономистовъ. Этимъ опредѣленіемъ переносится центръ тяжести экономической жизни въ человѣческую активность и борьбу. Въ «Тезисахъ о Фейербахѣ» у Маркса есть замѣчательное мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ, что главная ошибка матеріалистовъ до сихъ поръ была въ томъ, что они разсматривали дѣйствительность подъ формой объекта, а не какъ человѣческую активность, не субъективно (*). Нѣтъ ничего болѣе антиматеріалистическаго. Мѣсто это свидѣтель-

*) «Der Hauptmangel alles bisherigen Materialismus ist, dass der Gegenstand, die Wirklichkeit, Sinnlichkeit nur unter der Form des Objekts oder der Anschauung gefasst wird: nicht aber als sinnlich-menschliche Taetigkeit, Praxiss, nicht subjektiv». — «Thesen ueber Feuerbach». — «Der historische Materialismus» II Band. S. 3.

ствуешь лишь о томъ, какъ споренъ матеріализмъ Маркса. То, что говоритъ здѣсь Марксъ, гораздо болѣе свойственно экзистенціальной философіи, чѣмъ матеріализму. Для матеріализма все есть объектъ, вещь, для экзистенціальной философіи все есть субъектъ, активность. У Маркса, какъ и у Фейербаха, былъ элементъ экзистенціальной философіи. Ранній Марксъ черпалъ свое пониманіе исключительной активности человѣка, какъ духа, а не какъ вещи, изъ нѣмецкаго идеализма. Но идея личности у него отсутствовала.

Самый экономическій матеріализмъ можно понимать двояко. Прежде всего это ученіе производитъ впечатлѣніе послѣдовательнаго и крайняго соціологическаго детерминизма. Экономика детерминируетъ всю человѣческую жизнь, не только структуру общества, но и всю идеологию, всю духовную культуру, существуетъ непреложная закономерность соціальнаго процесса. Въ духѣ такого крайняго детерминизма понимали марксизмъ и сами марксисты и критики марксизма. Но это лишь одна изъ интерпретацій, одна изъ сторонъ марксизма, возможно другое пониманіе. Что экономика опредѣляетъ всю человѣческую жизнь, это есть зло прошлаго, рабство человѣка. Наступитъ день, когда эта рабская зависимость отъ экономики прекратится, экономика будетъ зависеть отъ человѣка, человѣкъ станетъ господиномъ. Марксизмъ разомъ возвѣщалъ и о рабствѣ человѣка и о возможной побѣдѣ человѣка. Экономическій детерминизмъ самъ по себѣ довольно печальная теорія, не способная вызвать революціоннаго энтузіазма. Но марксизмъ обладаетъ въ высшей степени способностью экзальтировать революціонную волю. Молодая совѣтская философія движется въ направленіи индетерминистическаго пониманія марксизма (*). Марксъ жилъ еще въ капиталистическомъ обществѣ и онъ видѣлъ, что экономика цѣликомъ опредѣляетъ человѣческую жизнь, экономика поработщаетъ сознаніе человѣка и вызываетъ иллюзіи сознанія. Но русскіе коммунисты живутъ въ эпоху пролетарскихъ революцій и міръ открывается имъ съ другой стороны. Марксъ и Энгельсъ говорили о скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы. Русскіе коммунисты чувствуютъ себя совершившими этотъ скачекъ, они уже въ царствѣ свободы. Поэтому для нихъ марксизмъ переворачивается, хотя они во что бы то ни стало хотятъ продолжать быть марксистами. Уже не экономическое бытіе опредѣляетъ сознаніе, а сознаніе, революціонное, пролетарское сознаніе опредѣляетъ экономическое бытіе, не экономика опредѣляетъ политику, а политика опредѣляетъ экономику. Поэтому философ-

*) См. мою статью «Генеральная линія совѣтской философіи и воинствующій атеизмъ». — «Путь».

ствующіе русскіе коммунисты хотять построить философію, основанную на идеѣ самодвиженія. Въ матерію переносятся всѣ качества духа — свобода, активность, разумъ и пр. Такого рода философія оказывается соотвѣтствующей революціонной волѣ. Механистическій материализмъ осуждается, онъ не соотвѣтствуетъ экзальтаціи революціонной воли, онъ не есть философія героической борьбы человѣка. Человѣкъ оказывается свободнымъ отъ власти вещнаго, объективнаго, детерминированнаго-закономѣрнаго міра, но не индивидуальный, а коллективный человѣкъ. Индивидуальный же человѣкъ не свободенъ по отношенію къ человѣческому коллективу, къ коммунистическому обществу, онъ достигаетъ свободы лишь въ отождествленіи себя съ коллективнымъ бытіемъ. Это было уже не только у Маркса, но и у Фейербаха, для котораго человѣкъ былъ подлинно реаленъ лишь въ общеніи, въ родовомъ бытіи. Коммунизмъ необычайно динамиченъ, онъ утверждаетъ неслыханную активность человѣка. Но это не есть активность человѣческой личности, это есть активность общества, активность коллектива. Индивидуальный человѣкъ совершенно пассивенъ по отношенію къ коллективу, къ коммунистическому обществу, онъ пріобрѣтаетъ активную силу лишь при раствореніи въ родовомъ бытіи. Коммунизмъ утверждаетъ активность лишь родового человѣческаго бытія. Это заложено у Фейербаха, это восходитъ къ Гегелю, къ гегелевскому міровому духу.

Марксизмъ можетъ быть истолкованъ гуманистически, въ немъ можно видѣть борьбу противъ отчужденія отъ человѣка его человѣческой природы, за возвращенія ему тоталитарнаго существованія. Марксизмъ можно истолковать и въ сторону индетерминизма, увидѣть въ немъ провозглашеніе освобожденія человѣка отъ власти экономики, отъ господства рока надъ человѣческой жизнью. Марксизмъ экзальтируетъ человѣческую волю, онъ хочетъ создать новаго человѣка. Но въ немъ есть и фаталистическая сторона, глубоко принижаящая человѣка. Марксистская доктрина о человѣкѣ находится въ полной зависимости отъ капиталистической индустріи, отъ фабрики. Новый коммунистическій человѣкъ изготовляется на фабрикѣ, онъ есть фабричное производство. Душевная структура новаго человѣка зависитъ отъ условій жизни на фабрикѣ, отъ крупной индустріи. Съ этимъ связана діалектика марксизма. Добро рождается отъ зла, которое все болѣе усиливается, свѣтъ загорается отъ тьмы, которая все болѣе сгущается. Условія жизни капиталистической индустріи озлобляютъ пролетарія, обезчеловѣчиваютъ его, отчуждаютъ отъ него его человѣческую природу, дѣлаютъ его существомъ захваченнымъ *ressentiment*, злобой, ненавистью, мезтью. Пролетаризація есть дегуманизація, ограбленіе чело-

вѣческой природы. Менѣ всего въ этомъ виноваты пролетаріи. Но какъ ждать отъ этой прогрессирующей дегуманизации, отъ этого ограбленія человѣческой природы, отъ этого страшнаго суженія сознанія появленія новаго типа человѣка? Марксизмъ ждетъ чудеснаго діалектическаго перехода того, что онъ считаетъ зломъ, въ добро, въ лучшую жизнь. Но все таки надъ пролетаріатомъ тяготѣетъ фатумъ, фатумъ капиталистической индустріи, эксплуатирующей, угнетающей, отчуждающей отъ рабочаго всю его человѣческую природу. Высшій типъ человѣка будетъ результатомъ полнаго отчужденія всей человѣческой природы, совершеннаго обезчеловѣченія. Такого рода концепція совершенно антиперсоналистична, она не признаетъ самоцѣнности человѣческой личности, глубины ея бытія. Человѣкъ для такого рода концепціи есть функція мірового соціального процесса, функція «общаго»; способъ, которымъ фабрикуется новый человѣкъ, есть «хитрость разума» (Гегель). Количество зла переходитъ въ качество добра. Активность личности, ея сознаніе, ея совѣсть, ея творчество тутъ не при чемъ. Все дѣлаетъ хитрый разумъ, который есть «общее». Лукачъ сознаетъ принижающее вліяніе капитализма на классовое сознаніе рабочихъ и предостерегаетъ отъ этого, предлагаетъ бороться противъ этого (*). Все это говоритъ лишь о сложномъ и противорѣчивомъ составѣ марксизма. Марксизмъ выражалъ не только борьбу противъ угнетенія человѣка человѣкомъ, противъ несправедливости и рабства, но также отражалъ подавленность материалистическимъ духомъ капиталистическихъ буржуазныхъ обществъ, духовный упадокъ этихъ обществъ.

III.

Вотъ чего не замѣчаетъ ни марксизмъ классическій, ни русскій коммунизмъ, не замѣчалъ и Фейербахъ. Съ этимъ связана критика марксистскаго гуманизма. Происходитъ отчужденіе человѣческой природы. По Фейербаху и Марксу вѣра въ Бога и въ духовный міръ есть ничто иное, какъ отчужденіе высшей природы человѣка, перенесеніе ея въ трансцендентную сферу. Человѣческая природа въ ея тоталитарности должна быть возвращена человѣку. Но происходитъ ли это возвращеніе человѣку полноты его природы? Въ материалистическомъ марксизмѣ этого возвращенія не происходитъ. Духовная природа не возвращается человѣку, она погибаетъ вмѣстѣ съ гибелью трансцендентной сферы. Человѣкъ остается ограб-

*) См. его цитированную книгу: «Geschichte und Klassen — Bewusstsein».

леннымъ, остается матеріальнымъ существомъ, кускомъ матеріи. Но кусокъ матеріи не можетъ имѣть человѣческаго достоинства. Въ матеріальномъ существѣ не можетъ быть реализована тоталитарность жизни. Коммунизмъ хочетъ вернуть пролетариату отчужденныя отъ него орудія производства, но совсѣмъ не хочетъ вернуть ему отчужденный отъ него духовный элементъ человѣческой природы, духовную жизнь. Поэтому о достиженіи тоталитарности жизни не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи о подлинномъ достоинствѣ человѣка. Достоинство человѣка связано съ тѣмъ, что онъ есть духовное существо, образъ и подобіе божественнаго бытія, что въ немъ есть элементъ независимый отъ внѣшняго міра, отъ общества. Достоинство человѣка и полнота его жизни связаны съ тѣмъ, что человѣкъ принадлежитъ не только царству Кесаря, но и царству Божьему. Это значитъ, что человѣкъ имѣетъ высшее достоинство и тоталитарность, цѣльность жизни, если онъ личность. Идеи личности въ марксизмѣ нѣтъ, какъ ея нѣтъ въ коммунизмѣ, поэтому они не могутъ защитить человѣка. Коммунизмъ въ лучшемъ случаѣ утверждаетъ индивидуума, социализированнаго индивидуума, и требуетъ для него тоталитарности жизни, но отрицаетъ личность. Индивидуумъ есть лишь существо, сформированное обществомъ путемъ муштровки. Ленинъ говорилъ, что послѣ періода диктатуры, въ которомъ никакой свободы не будетъ, люди *привыкнутъ* къ новымъ условіямъ общественной жизни и почувствуютъ себя свободными въ коммунистическомъ обществѣ (*). Вотъ это приготовленіе людей путемъ муштровки и привычки противоположно принципу личности, всегда предполагающему автономію. Марксъ началъ съ борьбы противъ дегуманизации въ капиталистическомъ обществѣ. Этой дегуманизации нужно было противопоставить гуманизацию. Но въ дѣйствительности произошелъ сложный діалектическій процессъ, въ которомъ гуманизмъ перешелъ въ антигуманизмъ. Марксизмъ есть одинъ изъ кризисовъ гуманизма, одинъ изъ выходовъ изъ серединнаго гуманистическаго царства, которое пыталось утвердить человѣка на немъ самомъ, т. е. признало его существомъ самодостаточнымъ, довольнымъ собой. Въ матеріалистическомъ коммунизмѣ продолжается процессъ дегуманизации, который Марксъ обличалъ въ капиталистическомъ обществѣ. Коммунистическій индустриализмъ также можетъ дегуманизовать человѣка, какъ и капиталистическій

*) См. В. Ленинъ. «Государство и Революція». Ленинъ въ своей книгѣ «Материализмъ и эмпириокритизмъ» защищалъ довольно вульгарный материализмъ и натурализмъ. Его философія гораздо ниже философіи А. Богданова и даже не можетъ быть названа социалистической, какъ философія послѣдняго.

индустриализмъ, можетъ превратить его въ техническую функцію. Человѣкъ разсматривается не какъ свободный духъ, т. е. не какъ личность, а какъ функція общественнаго процесса, какъ матеріальное существо, занятое исключительно экономикой и техникой и въ часы досуга развлекающееся искусствомъ, призваннымъ украшать индустриализированную жизнь. Антиперсонализмъ коммунизма связанъ не съ его экономической системой, а съ его духомъ, съ его отрицаніемъ духа. Это нужно все время имѣть въ виду. Персонализмъ какъ разъ требуетъ социализаціи хозяйства, но не допускаетъ социализаціи духовной жизни, которая означаетъ отчужденіе отъ человѣка духовной жизни, т. е. умерщвленіе духа.

Антиперсонализмъ марксизма связанъ еще съ ложнымъ отношеніемъ къ времени. Марксизмъ и особенно его практическое примѣненіе въ коммунизмѣ смотрятъ на отношеніе между настоящимъ и будущимъ, какъ на отношеніе средства и цѣли. Настоящее есть средство, въ немъ не осуществляется непосредственно цѣль. И допускаются средства не имѣющія никакого сходства съ цѣлью — насиліе и тиранія для осуществленія свободы, ненависть и раздоръ для осуществленія братства и т. п. Тоталитарность человѣческой жизни осуществима лишь въ будущемъ, можетъ быть отдаленномъ будущемъ. Въ настоящемъ человѣкъ остается ограбленнымъ, отъ него все отчуждено, онъ самъ отчужденъ отъ себя. Поэтому марксистскій коммунизмъ утверждаетъ человѣка и притомъ тоталитарнаго человѣка въ будущемъ, въ настоящемъ же человѣка отрицаетъ. Человѣкъ настоящаго есть лишь средство для человѣка будущаго, поколѣніе настоящаго лишь средство для поколѣній будущаго. Такое отношеніе ко времени несовмѣстимо съ принципомъ личности, съ признаніемъ самоцѣнности всякой человѣческой личности и ея права на реализацію полноты своей жизни, съ ея самосознаніемъ, какъ цѣлаго, а не какъ части, какъ цѣли, а не какъ средства. Ни съ какимъ человѣкомъ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, нельзя обращаться какъ съ простымъ средствомъ, или разсматривать его исключительно какъ препятствіе. Это есть проблема антропологии, а не социологии, въ марксизмѣ же нѣтъ настоящей антропологии.

Есть двѣ проблемы — проблема человѣка и проблема общества и примать, конечно, долженъ принадлежать проблемѣ человѣка. Но марксизмъ утверждаетъ примать проблемы общества надъ проблемой человѣка. Марксъ былъ замѣчательный социологъ и сдѣлалъ въ этой области большія открытія. Но онъ совсѣмъ не былъ антропологомъ, его антропология до крайности упрощенная и устарѣвшая, она связана съ раціо-

наличтическимъ матеріализмомъ и натуралистическимъ эволюціонизмомъ. Человѣкъ есть продуктъ природы и общества, болѣе конкретно — онъ продуктъ социальнаго класса, въ человѣкѣ нѣтъ никакого независимаго внутренняго ядра. Антропология цѣликомъ подчинена социологіи, есть лишь часть социологіи. Человѣкъ разсматривается какъ образъ и подобіе общества. Общество и есть то высшее бытіе, которое онъ отображаетъ. Этому противоположна антропология, основанная не на социологіи, а на теологіи (употребляю это слово не въ школьномъ смыслѣ). Человѣкъ есть не образъ и подобіе общества, а образъ и подобіе Божіе. Поэтому въ человѣкѣ есть независимое отъ общества духовное начало, поэтому только и возможно утверждать достоинство человѣка, какъ свободнаго духа, активнаго и творческаго. Философская антропология прежде всего учитъ о человѣкѣ, какъ личности, она персоналистична. Личности нѣтъ безъ духовнаго начала, которое дѣлаетъ человѣка независимымъ отъ детерминизма внѣшней среды, природной и социальной. Духовное начало совсѣмъ не противоположно человѣческому тѣлу, физическому, матеріальному составу человѣка, связывающему его съ жизнью всего природнаго міра. Отвлеченный спиритуализмъ безсиленъ построить ученіе о цѣлостномъ человѣкѣ. Духовное начало объемлетъ и человѣческое тѣло, и «матеріальное» въ человѣкѣ, означаетъ овладѣніе и «душой» и «тѣломъ» человѣка и достиженіе цѣлостности образа личности, высшей качественности, вхожденіе всего человѣка въ иной порядокъ бытія. «Тѣло» также принадлежитъ человѣческой личности и отъ него не можетъ быть отвлечено «духовное» въ человѣкѣ. «Тѣло» есть уже форма, означающая побѣду духа надъ безформенной матеріей. Старый картезіанскій дуализмъ «души» и «тѣла», «духа» и «матеріи» есть совершенно ложная философія, которую можно считать преодоленной. Настоящій дуализмъ есть дуализмъ «духа» и «природы» «свободы» и «необходимости», «личности» и «вещи», что имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. «Тѣло» человѣка и даже «тѣло» міра могутъ выйти изъ царства «природы», «необходимости», «вещи» и перейти въ царство «духа», «свободы», «личности». Этотъ смыслъ имѣетъ христіанское ученіе о воскрешеніи мертвыхъ, воскрешенія во плоть. Воскресшая плоть не есть природная матерія, подчиненная детерминаціи, не есть вещь, это духовная плоть, новая плоть, но не безплотность, не отвлеченный духъ. Ученіе о воскрешеніи тѣмъ и отличается отъ ученія с безсмертіемъ души, что оно требуетъ вѣчной жизни для всего цѣлостнаго человѣка, а не для его отвлеченной части, не для души только. Поэтому это есть ученіе персоналистическое. Независимость духовнаго начала въ человѣкѣ отъ власти общества не означаетъ также противопо-

ложеніе «духовнаго» «соціальному», т. е. отвлеченіе «духовнаго» отъ «соціальнаго», но означаетъ, что человекъ долженъ опредѣлять общество и быть его господиномъ, реализовать полноту своей жизни и въ обществѣ, а не наоборотъ, не опредѣляться обществомъ и не быть его рабомъ, его функціей. «Духовное» овладѣваетъ и «соціальнымъ», соціальнымъ составомъ человека и это означаетъ достиженіе человеческой цѣлостности, интегральности, тоталитарности. Общество не есть цѣль, цѣль есть самъ человекъ, полнота и совершенство жизни. самая совершенная организація общества есть лишь средство. Марксизмъ антиперсоналистиченъ въ мѣру того, что онъ полагаетъ цѣль не въ человекѣ, призванномъ къ вѣчной жизни, а въ обществѣ.

Основная ошибка основаннаго на марксизмѣ коммунизма съ томъ, что онъ вѣритъ въ возможность принудительнаго осуществленія не только справедливости, но и братства людей, въ возможность принудительной организаціи не только общества, но и общенія, коммуниона людей. Соціализмъ происходитъ отъ слова общество, коммунизмъ же происходитъ отъ слова коммунионъ, взаимная пріобщенность людей другъ къ другу. Соціализмъ отличается отъ коммунизма совсѣмъ не въ планѣ соціально-экономической организаціи общества, въ этомъ они могутъ совпадать. Но соціализмъ можно понять исключительно какъ соціально-экономическую организацію общества и этимъ ограничить его задачу, коммунизмъ же неизбежно тоталитаренъ, онъ предполагаетъ цѣлостное міросозерцаніе, онъ хочетъ создать новаго человека, новое братство людей, свое отношеніе ко всей полнотѣ жизни. Коммунизмъ не согласенъ на то, чтобы его частично признавали, онъ требуетъ всецѣлаго признанія, обращенія въ коммунизмъ, какъ въ религіозную вѣру. Частичное, распространенное лишь на соціально-экономическую область признаніе правды коммунизма, соединенное съ инымъ міросозерцаніемъ, и есть соціализмъ. Соціализмомъ нужно назвать созданіе новаго безклассоваго общества, въ которомъ будетъ осуществлена ббольшая соціальная справедливость и не будетъ допущена эксплуатація человека человекомъ. Созданіе же новаго человека и братства людей есть задача духовная, религіозная, она предполагаетъ внутреннее перерожденіе людей. Этого не хочетъ допустить коммунизмъ, который самъ есть религія. Поэтому христіанинъ можетъ быть соціалистомъ и даже, по моему убѣжденію, долженъ быть соціалистомъ. Но ему трудно быть коммунистомъ, ибо онъ не можетъ согласиться на принятіе тоталитарнаго міросозерцанія коммунизма, въ который входятъ матеріализмъ и атеизмъ. Христіанскій персонализмъ не только не долженъ противиться созданію безклассоваго общества, но дол-

женъ способствовать его созданію. Классовое общество, которое разсматриваетъ какъ средство огромное количество человѣческихъ личностей и допускаетъ эксплуатацію человѣческой личности и отрицаніе человѣческаго достоинства рабочихъ, противоположно принципу персонализма. Персонализмъ долженъ желать социализаціи хозяйства, которая должна обезпечить каждой человѣческой личности право на трудъ и на достойное человѣческое существованіе, должна каждому предоставить возможность реализовать полноту жизни. Но социализація хозяйства не можетъ сама по себѣ создать новаго человѣка и братскаго общенія людей, она упорядочиваетъ сообщеніе, коммуникацію между людьми на почвѣ справедливости, но не создаетъ общенія, коммуниона между людьми, братства людей. Общеніе людей носитъ персоналистическій характеръ, есть всегда общеніе личностей, я и ты, соединеніе я и ты въ мы. Это недостижимо внѣшней организаціей общества, которая захватываетъ лишь частичный составъ человѣческой личности и не достигаетъ глубины ея. Никакая организація общества не можетъ создать тоталитарной жизни. Иллюзія этой тоталитарности покупается страшнымъ суженіемъ жизни личности, обѣдненіемъ ея сознанія, подавленіемъ въ ней духовной стороны жизни. Этой иллюзіей поддерживается коммунистическое сознаніе. Марксизмъ создаетъ эту иллюзію невѣрнымъ ученіемъ о личности, о цѣлостномъ человѣкѣ. Движеніе, направленное къ созданію новаго безклассоваго общества, безспорно болѣе справедливаго, можетъ сопровождаться пониженіемъ духовности, сжиманіемъ духовной природы человѣка. Но возможно, что созданіе безклассоваго общества, которое сопровождается матеріалистическими иллюзіями сознанія, приведетъ къ духовному возрожденію, которое сейчасъ затруднено классовой борьбой, ея злобой дня. Когда безклассовое общество будетъ создано, тогда увидятъ, что матеріализмъ и атеизмъ, духоборчество коммунизма принадлежитъ прошлому, эпохѣ борьбы классовъ, и новый безклассовый человѣкъ будетъ поставленъ передъ послѣдней тайной бытія, передъ конечными проблемами духа. Тогда и обнаружится въ чистомъ видѣ трагизмъ человѣческой жизни и человѣкъ затоскуетъ по вѣчности. Тогда только и будетъ достигнута тоталитарность существованія личности и перестанутъ принимать частичное за эту тоталитарность. Въ періодъ обострившейся социальной борьбы, социальная система наиболѣе соответствующая христіанскому персонализму, есть система персоналистическаго социализма.

Николай Бердяевъ.